

A $\frac{281}{179}$

А 281
179

„НЕ УБІЙ“

по современному толкованію и по библейскому
ученію.

Протоіерея Е. Аквилонова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.
1906.

2007041631

Man meint die Bibel zu verstehen.
weil man gewohnt ist, sie nicht zu
verstehen.

D. F. Strauss.

Взятый изъ прогрессившей, назадъ тому почти тридцать пять лѣтъ, по всему свѣту книжки Штраусса „Der alte und der neue Glaube“ (Bonn, 1873, fünfte Aufl., S. 301) горькій эпитафъ наиболѣе удачно подходитъ къ нижеслѣдующему содержанію настоящей замѣтки, авторъ которой считаетъ нужнымъ побесѣдовать съ читателями насчетъ одной заповѣди, въ послѣдніе годы и, особенно, теперь сдѣлавшейся камнемъ преткновенія не только для мірскихъ людей, но и для тѣхъ, пастырскому водительство которыхъ поручены эти послѣдніе. Едва ли можно отыскать какую-либо другую заповѣдь закона Божія, по поводу которой рождалось бы у насъ столько разговоровъ, споровъ и различныхъ толкованій, сколько рождается ихъ по поводу шестой заповѣди: „не убій“. Что бы казалось болѣе легкимъ по сравненію съ усвоеніемъ этой краткой, ясной и точной заповѣди, и гдѣ бы еще можно было предположить наименѣе несогласныхъ мнѣній въ истолкованіи по сравненію съ взятымъ случаемъ? Въ дѣйствительности, къ сожалѣнію, видимъ противное взятому предположенію, и не дальше, какъ только на этихъ дняхъ, одинъ изъ такихъ членовъ Государственной Думы, отъ котораго всего естественнѣе было ожидать правильнаго разумѣнія заповѣди, предложилъ такое толкованіе ея и поставилъ ее въ такую ложную связь съ правительственными дѣйствіями, что насущная нужда въ посильномъ исправленіи даннаго (см.

„Нов. Вр.“, отъ 2 іюня 1906 г., № 10.853) толкованія не подлежитъ никакому сомнѣнію.

„Великую заповѣдь «не убій» просмотрѣлъ“, по словамъ нѣкоего оратора, „молитвенникъ (??!) земли русской министръ Дурново“. Оставимъ министра въ покоѣ, а спросимъ-ка лучше самого оратора: не „просмотрѣлъ“ ли онъ, неумолимый критикъ, взятой заповѣди? Хорошо ли исправляетъ заблудшаго съ его помощниками? Настолько ли самъ милосердъ, насколько не замѣчаетъ милосердія въ другихъ? „Служитель Бога“ такъ ли понятенъ слушателямъ, какъ ему оказался „совершенно непонятнымъ“ отвѣтъ главнаго военнаго прокурора?

Прежде нежели смѣло ссылаться на библію (въ Государственной Думѣ нерѣдко раздаются обращенія къ этой св. книгѣ), полезно прочесть ее съ подобающимъ вниманіемъ. Знающаго библію отличить отъ незнающаго очень легко: по одностороннему толкованію взятой заповѣди. Если бы ораторъ потрудился отъ 20-й гл. книги Исходъ (20,13: „не убій“) перелистовать слѣдующія главы какъ этой, такъ и другихъ св. книгъ, то едва ли сталъ бы упрекать другого въ провинности, наименѣе прощительной самому обвинителю въ его собственномъ положеніи. Чтобы не быть голословнымъ, обращусь къ библейскимъ даннымъ. Исх. 21,12: „Кто ударить человѣка, такъ что онъ умретъ, да будетъ преданъ смерти“. Ст. 14: „Если кто съ намѣреніемъ умертвить ближняго коварно, то и отъ жертвенника Моего бери его на смерть“. Ст. 15: „Кто ударить отца своего, или свою мать, того должно предать смерти“. Ст. 16: „Кто украдетъ человѣка и, поработивъ, продастъ его,—того должно предать смерти“. Ст. 17: „Кто злословить отца своего, или свою мать, того должно предать смерти“ (ср. ст. 22—23, 28—29). Исх. 22,3: „Если кто застанетъ (ночью) вора подкапывающаго и ударить его, такъ что онъ умретъ, то кровь не вѣнится ему“. Ст. 19: „Всякій скотоложникъ да будетъ преданъ смерти“ (ср. ст. 18 и 20). Послѣ того какъ Моисей во

гнѣвъ разбилъ скрижали завѣта по причинѣ уклоненія израильтянъ въ идолопоклонство, то, въ предотвращеніе горшаго зла, онъ „сталъ въ воротахъ стана и сказалъ: такъ говоритъ Господь, Богъ Израилевъ: возложите каждый свой мечъ на бедро свое и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближняго своего“ (Исх. 32,26—27). Лев. 24,10—17 повѣствуется о побіеніи камнями всѣмъ обществомъ сына одной израильтянки, хулившаго Господа. Лев. 27,28—29 — о преданіи смерти всего заклятаго. Числ. 15,32—36 о такой же казни надъ собиравшимъ дрова въ субботу. Числ. 25,1—9 — о ревности священника Финееса, пронзившаго копьемъ блудника съ женщиной (ср. Втор. 22, 22—24)...

Итакъ, вслѣдъ за краткой заповѣдью „не убій“ тянется безконечная цѣпь фактовъ, какъ бы на - пере - коръ неизмѣнной Божіей волѣ. Что-жъ это такое? Здѣсь можно допустить нѣсколько предположеній, разборъ которыхъ послужить лучшимъ доказательствомъ истинности какого-либо одного изъ нихъ. Первое то, что и Моисей, какъ человѣкъ, могъ съ теченіемъ времени „просмотрѣть“ великую заповѣдь. Но для такого предположенія нѣтъ мѣста уже по одному тому, что 21-я глава (разумѣется, по теперешнему дѣленію) является естественнымъ продолженіемъ 20-й, въ 13 ст. которой начертана заповѣдь „не убій“. О какомъ-либо „жестосердіи“ (Мѣ. 19,8) со стороны израильскаго вождя также неумѣстно говорить въ виду яснаго свидѣтельства Числ. 12,3, по которому „Моисей былъ человѣкъ кротчайшій изъ всѣхъ людей на землѣ“. Если писатель этого стиха счелъ нужнымъ указать на выдающуюся кротость человѣка Божія, то, надо полагать, въ ней было, дѣйствительно, что-то феноменальное, рѣшительно противящееся, даже, зачатку такого предположенія. „Кротчайшій“—и вдругъ возвѣщаетъ строжайшія заповѣди насчетъ множества различныхъ случаевъ, наказуемыхъ убіеніемъ, мало того, —смертью на кострѣ (Лев. 20,14)! Надо полагать, что такому че-

ловѣку не легко было обрѣкать преступниковъ на смерть, и судейская должность стоила ему величайшаго напряженія и самообладанія (Исх. 18, 13-27). Заподозрѣть неподлинность мѣстъ, въ которыхъ повелѣвается казнить смертью преступниковъ, значить росписаться въ неслыханномъ безуміи, потому что пришлось бы заподозрѣть подлинность не только четырехъ книгъ Моисеевыхъ, но и другихъ ветхозавѣтныхъ писаній. Такой критики, слава Богу, пока еще не видалъ свѣтъ. Легче было бы отрицать подлинность двухъ словъ: „не убій“, но они такъ прочно скованы съ крѣчайшими всякаго желѣза звеньями единой нерасторжимой цѣпи заповѣдей, что о нихъ ломаются зубы самой яркой критики. Руководствуясь методомъ остатковъ, необходимо предположить подлинность цитованныхъ мѣстъ и полное согласіе ихъ между собою, ибо „не можетъ нарушиться писаніе“ (Іоа. 10, 35) и, слѣдовательно, досадное „просмотрѣлъ“ поставить въ счетъ современнымъ „думскимъ“ толковникамъ.

Какъ легко видѣть уже по „личной“ формѣ заповѣдей, всѣ онѣ и, въ частности, шестая имѣютъ въ виду такъ называемую „индивидуальную мораль“. Премудрый Воспитатель рода человѣческаго—не какъ теперешніе радѣтели о „космополитизмѣ“, о „пролетаріяхъ всѣхъ странъ“ и т. п., задающіеся несбыточными цѣлями,—прежде, нежели приступить къ сооруженію цѣлаго зданія (домостроительства нашего спасенія), занялся приготовленіемъ годныхъ для того кирпичей: изъ гнилого матеріала, вѣдь, не построить прочнаго сооруженія. Кирпичи („живые камни“ 1 Петр. 2, 5)—это человѣческія личности, изъ которыхъ каждая очень цѣнна въ очахъ Божіихъ. И вотъ, съ цѣлью наилучшаго исполненія домостроительства нашего спасенія, Господь воспитываетъ пригодныхъ личностей, для чего и даетъ имъ заповѣди. А такъ какъ совокупностью избранныхъ личностей (Быт. 6, 18; 15, 18 и др.), естественно, составлялся такой же избранный, Божій народъ, то и требовалось, съ одной стороны, обузданіе личнаго

произвола— этого врага всякаго общежитія, а, съ другой,—для обезпеченія правильного роста общественной жизни, предоставленіе самому обществу такихъ полномочій, которыя возвышались бы надъ частнымъ правомъ и пресѣкали бы преступленія въ самомъ корнѣ.

Для рѣшенія споровъ и несогласій между членами такого общества недостаточно было одного личнаго мнѣнія, хотя бы и мудраго, но не авторитетнаго для послѣдняго. Необходимъ былъ общеобязательный и для всѣхъ повелительный голосъ особаго учрежденія, которымъ и былъ общественный судъ, облеченный высшимъ авторитетомъ, о чемъ и говорится въ библіи: „судъ—дѣло Божіе“ (Втор. 1, 17). Такой, именно, судъ и вѣдаетъ большія и малыя дѣла членовъ общества и, когда находитъ нужнымъ, караетъ преступленія смертною казнью,—прерогатива, принадлежащая только суду, а не частнымъ лицамъ. „Народъ приходитъ ко мнѣ просить суда у Бога“ говоритъ о себѣ самомъ Моисей, „я сужу между тѣмъ и другимъ и объявляю уставы Божіи и законы Его“ (Исх. 18, 15—16). А далѣе упоминается уже о поставленіи Моисеемъ особыхъ судей, которые рѣшали всѣ дѣла за исключеніемъ наиболѣе важныхъ, переносившихся на судъ самого Моисея (ст. 25—26). Надо полагать, что творившіе дѣло Божье судьи, приговаривая виновныхъ къ смерти, не нарушали шестую заповѣдь, и „основаніе“ дѣйствовавшихъ законовъ не было „беззаконнымъ“. Въ противномъ случаѣ Самъ Богъ не хвалилъ бы, наприим., великой ревности священника Финееса, и 24.000 умершихъ отъ пораженія, дѣйствительно, громко вошѣли бы къ небу о „презрѣніи божескихъ и человѣческихъ законовъ“ (Числ. 25, 5—11). По словамъ Господа, „Финеесъ отвратилъ ярость Мою (Божію) отъ сыновъ Израилевыхъ, возревновавъ по Мнѣ среди ихъ“ (ст. 11). Какъ бы ни былъ суровъ приговоръ судей, законъ, однако, запрещалъ „злословить“ ихъ (Исх. 22, 28; ср. Дѣян. 23, 3—5).

Едва ли справедливо производить такой судъ изъ „кровавой мести права сильнаго“, тѣмъ болѣе, что свя-

тость суда ясно засвидѣтельствована самимъ Христомъ-Спасителемъ, отъ Котораго идутъ все наши „современныя нравственныя начала“. Для удостовѣренія этого положенія прочитаемъ внимательно евангеліе. „Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду. А Я говорю вамъ, что всякій гнѣвающийся на брата, подлежитъ суду“ (Мѡ. 5, 21—22). Своими словами Спаситель 1) торжественно призналъ непререкаемый авторитетъ суда, 2) расширилъ область подлежащихъ его вѣдѣнію дѣлъ, такъ какъ къ числу такихъ отнесъ, даже, и гнѣвъ и 3) подтвердилъ святость шестой заповѣди, ибо „пришелъ не нарушить законъ, но исполнить“ (ст. 17). Если бы Спаситель держался на этотъ счетъ другого образа мыслей, то, разумѣется, не убоился бы и выразить ихъ предъ Пилатомъ. Въ дѣйствительности же слышимъ совсѣмъ иное: „ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебѣ свыше“ (Іоа. 19, 11). Итакъ, Господь признаетъ: 1) божественное происхожденіе власти („свыше“, допустимъ, отъ кесаря, но кесарева? отъ Царя царей) и 2) ея право осуждать на смерть (т. е., полноправіе, ибо иначе не было бы „никакой“ власти). Когда висѣвшій на крестѣ благоразумный разбойникъ, „унижая“ другого, говорилъ: „мы осуждены (т. е. на смерть) справедливо, потому что достойное по дѣламъ нашимъ приняли“ (Лук. 23, 41), Спаситель ничего не возражалъ противъ этого, тогда какъ могъ бы утѣшить распятыхъ указаніемъ на жестокую неправду въ смертной карѣ, за то удостовѣрилъ истинность словъ разбойника (т. е. что разбойники распяты по справедливости и достойно по ихъ злодѣяніямъ) блаженнымъ обѣтованіемъ: „истинно говорю тебѣ, нынѣ же будешь со Мною въ раю“ (ст. 43). Секретъ признанія святости власти кроется въ томъ, чтобы мы не были „яко гады“ (Авв. 1, 14). „Властитель—для того, чтобы мы не пожирали другъ друга“ (Златоустъ, Творен. въ рус. пер. Спб. 1898, т. 4, стр. 747). Здѣсь же находится и оправданіе военной службы, несущіе которую особенно часто подвержены,

повидимому, столкновению съ заповѣдью „не убій“, особенно по теперешнимъ временамъ, когда на каждомъ шагу чуть не всѣ поголовно клеймятъ военныхъ именами убійцъ, палачей, кровожадныхъ опричниковъ и т. п.

Но вотъ что удивительно: какъ это воздержался отъ такихъ упрековъ, напримѣръ, св. І. Креститель, проповѣдникъ, располагавшій добрымъ лексикономъ самыхъ горькихъ названій? Почему столь неумолимый къ другимъ, Предтеча сравнительно менѣе строгъ къ „воинамъ“ и не потребовалъ отъ нихъ удаленія изъ военной службы, если только она несовмѣстима съ исполненіемъ разсматриваемой заповѣди (Лк. 3, 14)? Хорошо извѣстно также, что Креститель бывалъ у тетрарха Ирода, „который боялся Іоанна, зная, что онъ мужъ праведный и святой, и берегъ его; многое дѣлалъ слушаясь его, и съ удовольствіемъ слушалъ его“ (Мр. 6, 20). Трудно допустить, что, обличая сравнительно меньшее (незаконное сожитіе), Предтеча ни одного раза не догадался обличить большее (тогдашніе „жестокіе нравы“), но вѣрнѣе думать, что въ военной службѣ, какъ таковой, по существу не представлялось пророку ничего грѣховнаго.

Также и Спаситель не увѣщавалъ капернаумскаго сотника оставить свою службу, хотя тотъ своими разсужденіями о „подчиненныхъ воинахъ“ прямо-таки напрашивался на сильное вразумленіе (Мѡ. 8, 9). Наоборотъ, военное званіе сотника оставлено втунѣ; мало того, Своими словами: „и въ Израилѣ не нашелъ Я такой вѣры“ (ст. 10) Спаситель удостовѣряетъ совмѣстимость высоко-религіозной жизни съ военнымъ званіемъ. Призванный къ сотнику Корнилію, ап. Петръ также ни слова не говоритъ ему объ отреченіи отъ военной службы, не взирая на слѣдующую рѣчь Корнилія: „теперь всѣ мы предстоимъ предъ Богомъ, чтобы выслушать все, что повелѣно тебѣ отъ Бога“ (Дѣян. 10, 33). Неужели во „всемъ“ не нашлось мѣста только для одного и, при томъ, главнѣйшаго—для вопроса о совмѣстимости военной службы съ христіанствомъ? „Если центуріонъ Корнилій, ставши вполнѣ христіаниномъ,

VI 9525
остался воиномъ, и однако не могъ раздѣлиться на два чуждыхъ другъ другу и несвязныхъ между собою лица, то ясно, что онъ сдѣлался христіанскимъ воиномъ. Собрание такихъ воиновъ образуетъ хр. войско. Но войско есть и крайнее выраженіе и первая реальная основа государственности“ (Вл. Соловьевъ, Собран. сочин. т. 7, стр. 452). Еще примѣръ. На вопросъ (вспомнимъ, при какихъ трагическихъ обстоятельствахъ!) стражника въ Филиппахъ: „что мнѣ дѣлать, чтобы спастись?“ Павелъ и Сила отвѣтили: „вѣруй въ Господа І. Христа“ (Дѣян. 16, 31),—объ оставленіи службы въ темницѣ ни одного слова.

Смѣемъ думать, что, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ („кто безъ грѣха?“ Іоа. 8, 7), представители государственной власти—не „насилъники“, что они не „издѣваются“ надъ „страной“, что военные—не „убійцы“, законы не „беззаконны“, и что ими обязаны руководиться наши суды. Если же, „дыша угрозами“ (Дѣян. 9, 1), члены Г. Думы подорвутъ всякое уваженіе къ законной власти, то и сами очутятся въ ужасномъ положеніи: будутъ изрекать законы, да никто не станетъ исполнять ихъ, захотятъ проявить власть, но не окажется послушныхъ. Хотя какой-нибудь порядокъ, все-таки, лучше безпорядка, и хоть несовершенная власть несравненно лучше анархіи. „Мы живемъ въ такіе дни, когда долженъ торжествовать великій законъ“...—здѣсь я расхожусь съ ораторомъ—не „поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ“, но „по тому узнають всѣ, что вы—Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“ (Іоа. 13, 35).

Пр. Е. А—въ.

Извлечено изъ журнала „Церковный Вѣстникъ“, 1906 г.

Типографія М. Меркушева. Спб., Невскій, № 8.

2007041631